

РОСТОВО-ЯРОСЛАВСКИЙ
АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

СООБЩЕНИЯ
РОСТОВСКОГО МУЗЕЯ

I

РОСТОВ, 1991

ми митрополичьей кафедры, оказавшимися в это время в Новгороде⁷. Для свода — протографа СІ-НІV летописей характерно объединение летописания Северо-Восточной Руси с новгородским летописным материалом. Неясным остается вопрос об общерусском источнике этого свода. Был ли это общерусский свод, связанный с митрополитом Фотием, как считали Шахматов и Приселков, или работа по сведению в одно произведение летописей русских земель была проведена непосредственно составителем протографа СІ-НІV летописей (гипотеза Я. С. Лурье)?⁸

Какими же источниками воспользовался сводчик при составлении интересующих нас статей? Главным новгородским источником свода — протографа СІ-НІV летописей был Софийский временник — новгородская владычная летопись, составленная в начале 20-х гг. XV в.⁹. Эта летопись отразилась в трех дошедших до нас памятниках — СІЛ, НІVЛ, Новгородской первой летописи младшего извода (НІЛ мл. изв.). Статья о крещении Новгорода имеется во всех трех летописях. Таким образом, ее источником для свода 30—40-х гг. XV в. послужил Софийский временник. В НІЛ мл. изв. эта статья помещена не под 991 г., как в СІ-НІV летописях, а под 989 г. Вероятно, под тем же годом она находилась и в Софийском временнике. Восходила ли эта статья к каким-то новгородским источникам Софийского временника или была внесена его непосредственным составителем?

А. А. Шахматов возводил ее к Синодальному списку НІЛ — единственному списку старшего извода летописи. Основанием этому, по мысли Шахматова, служило то, что «Софийский временник мог заимствовать его (этот текст — С. С.) только из Синодального списка, так как других источников у него не было»¹⁰. Однако, начало Синодального списка (по 1016 г.) утрачено, и мы не можем знать наверняка, имелось ли в нем это известие. Думается, что предположение Шахматова находит косвенное подтверждение в следующем. Известно, что новгородские владыки получают почетный титул архиепископов с середины XII в. Однако, в младшем изводе НІЛ уже новгородские владыки XI в. именуется архиепископами¹¹. Очевидно, что перед нами позднейшая тенденциозная правка. Но та же титулатура встречается и в Синодальном списке НІЛ¹². Таким образом, замеченная нами правка восходит ко времени до конца XIII в. (время написания этой части Синодального списка). То же именование новгородского владыки архиепископом находим и в интересующем нас из-

О ВЕРСИЯХ КРЕЩЕНИЯ РУССКОЙ ЗЕМЛИ В ИСТОРИОГРАФИИ XV В.

С. В. Сазонов

Рассказ о крещении Руси в Повести временных лет ограничивается, как известно, сведениями о крещении князя Владимира, киевлян и строительстве Десятинной церкви в Киеве¹. В этих известиях отсутствуют какие-либо сведения о распространении христианства на другие территории Киевского государства, в частности на территории Новгородской и Ростовской земель. Поэтому, начиная уже с В. Н. Татищева, исследователи, так или иначе обращающиеся к этим событиям, привлекают в качестве источников позднейшие летописи XV, а чаще XVI вв. Действительно, в летописях XVI в., таких, как Тверская, Воскресенская, Никоновская и некоторых других, находим такие известия о крещении северных русских земель, которые в Повести временных лет и восходящих к ней летописях отсутствуют. Это известие о крещении Суздальской земли, основании г. Владимира (Залесского) и строительстве здесь Успенской церкви; известие о крещении Новгорода и первом новгородском епископе Иоакиме Корсунянине; известие о крещении Ростова и строительстве здесь деревянной Успенской церкви епископом Феодором Гречнином². В настоящей работе сделана попытка выяснить происхождение этих известий.

Обращение к летописям XV в. показывает, что подробности крещения русских земель имеются уже в Софийской I и Новгородской IV летописях, а, значит, имелись и в их протографе. Здесь, однако, находим только два интересующих нас известия: об основании града Владимира в Суздальской земле и о крещении Новгорода³. Сведения о крещении Ростова, о ростовском епископе Феодоре и строительстве деревянной Успенской церкви в Ростове здесь отсутствуют.

Свод, лежащий в основе Софийской I (СI) и Новгородской IV (НIV) летописей, А. А. Шахматов в последних работах назвал сводом 30-х гг. XV в.⁴ Последний исследователь этого свода Я. С. Лурье, возвращаясь к ранней датировке А. А. Шахматова, определяет его как «свод 1448 г.»⁵. Впрочем, видимо, и Я. С. Лурье понимает это определение как условное. В одной из последних своих работ он относит начало работы над протографом СI—НIV летописей к 30-м гг. XV в.⁶ Составление свода Я. С. Лурье связывает с деятеля-

вестии НЛ мл. изв. о крещении Новгорода. Отсюда делаем вывод, что ко времени указанной правки этот текст уже существовал. А. А. Шахматов связывал рассмотренную выше правку с редактурой 1167 г.¹³. Таким образом, и время появления известий о крещении Новгорода можно отнести к новгородскому летописанию XI—XII вв.

Итак, к середине XV в. в русском летописании имелись известия о крещении двух городов и, соответственно, территорий. Известие о крещении Киева восходило к ПВЛ и более ранним этапам русского летописания, а известие о крещении Новгорода — к новгородскому летописанию XI—XII вв. Эти известия были объединены уже в новгородском летописании. Известие о крещении Киева читается здесь, как и в ПВЛ, под 988 г., а известие о крещении Новгорода — под следующим, 989 г. Мы не знаем, как оно читалось на ранних этапах новгородского летописания, но в Софийском временнике, судя по НЛ мл. изв., оно начиналось так: «Крестися Владимир и вся земля Русская; и поставиша в Киеве митрополита, а Новуграду архиепископа, а по иным градом епископы и попы и дияконы»¹⁴. Ниже новгородский архиепископ называется по имени — Аким Корсунянин. Таким образом, в центре летописного повествования о крещении Руси уже не один город, как в ПВЛ, а два, Киев и Новгород, а у истоков христианства в Новгороде, как и в Киеве, стоит корсунский священнослужитель. Проновгородская направленность подобного освещения событий крещения Руси несомненна.

Именно рассказ о крещении Руси новгородских летописей лег в основу повествования свода 30—40-х гг. XV в., отразившегося в С1 и более поздних летописях. Однако, новгородская версия крещения Русской земли претерпела в этом своде значительные изменения. Отметим, прежде всего, изменения в хронологии. Если в НЛ крещение Новгорода помещено под следующим после крещения Киева годом — 989, то в своде 30—40 гг. XV в., при общем сохранении хронологической канвы, оно перемещено под 991 г. и объединено с известием о закладке в Киеве ц. Богородицы^{14а}. Таким образом, известие о крещении Новгорода отодвигалось от времени крещения Киева на три года. В этом известии появляются имена патриарха Фотия и киевского митрополита Леона, которые сводчик почерпнул, по мнению Шахматова, из церковного устава князя Владимира¹⁵. Но наиболее существенные дополнения были сделаны выше, в статье 988 г. Здесь, в кон-

це статьи, читаем: «Того же лета постави кнзь Владимир в Кieve первую церковь святого Георгия, ноября в 26 день. И пришед из Кieve в Смоленскую (очевидно, здесь в СЛ неверно передан текст протографа; следует читать «в Суздальскую», как в более поздних сводах) землю, постави град в свое имя Владимир, и спом осыпа, и церковь святую Богородицу сборную деревяну постави и вси люди крестив Русьскпе и наместници»¹⁶. Как видим, основание и крещение г. Владимира отнесено здесь к тому же году, что и крещение Кieve, и происходит на три года раньше крещения Новгорода.

Уже сам факт основания Владимира в конце X в. вызывает серьезные сомнения. Территориальным центром Северо-Восточной Руси в это время был Ростов. Не пытаясь вступать в полемику по этому вопросу¹⁷, отметим, что в литературе это известие уже рассматривалось как «отражение идеологии правительственных кругов Москвы XV—XVI вв., стремившихся подчеркнуть значение г. Владимира и его патрональной святыни — Успенского собора»¹⁸. В противоположность этому, Н. Н. Воронин считал, что легенда об основании г. Владимира в конце X века «была создана в 60-х годах XII в. владимирской действительностью в обстановке борьбы за церковные права Владимирской Руси, борьбы с греческой «игемонией», противоречий между старым Ростовом и молодой столицей Владимиром, оспаривавших друг у друга церковное «первородство»¹⁹. Н. Н. Воронин не привел аргументов в пользу своей точки зрения. Отметим, что в летописях и других памятниках XII в. следов борьбы между Ростовом и Владимиром именно за «церковное первородство» мы не находим. Наоборот, г. Владимир в это время четко осознавался обеими сторонами как более молодой церковно-политический центр. Наиболее ранним летописным сводом, в котором появляется известие об основании г. Владимира, является свод-протограф С1-НIV летописей. Соответственно это известие следует рассматривать прежде всего как факт историографии первой половины XV в., исходя из особенностей того памятника, где оно появляется. Свод-протограф С1-НIV летописей соединяет в себе черты общерусские и новгородские одновременно. Это обстоятельство позволило Я. С. Лурье предположить, что он был составлен в Новгороде деятелями митрополичьей канцелярии, оказавшимися там во время феодальной войны второй четверти XV в.²⁰. Думается,

что именно с митрополичьим летописанием следует связать и появление известия об основании г. Владимира.

С конца XIII в. Владимир становится резиденцией митрополитов «всех Руси». А с 1354 г. соборной грамотой патриарха г. Владимир был сделан официальным местом пребывания русского митрополита²¹. Однако, несмотря на признание Владимира митрополичьей резиденцией, он оставался второй по значимости кафедрой митрополии. Первой, по-прежнему, была Киевская²². Напомним, что Киевскую кафедру неоднократно захватывали соперники московских митрополитов, что приводило к временному расколу в митрополии. В таких условиях вопрос о статусе Владимирской кафедры по отношению к Киевской становился особенно острым. Статус Киевской кафедры обеспечивался, в первую очередь, ее древностью, основанием ее св. Владимиром, крестившим Русскую землю. Соответственно, известие об основании г. Владимира Владимиром Святославичем и строительстве там соборной церкви сообщало Владимирской кафедре древность, не уступающую Киевской.

Появление этого известия следовало бы ожидать именно в период раскола в митрополии. Однако, в 30—40-е гг. XV в. раскола не было. Со времени смерти митрополита Фотия, с 1431 по 1458 гг., когда в юго-западных русских областях вновь появился свой митрополит, русская митрополия включала и Киев, и Владимир. Преемником Фотия был митрополит Герасим (1434—1435), Исидор (1437—1442), а с 1448 г. митрополичью кафедру возглавил Иона. «Герасим смоленский, родом москвич, носил имя митрополита московского и всея России. Власть митрополита Исидора, до осуждения его, была признаваема равно в России и в Литве. Когда, наконец, великий князь Василий Васильевич решился на действительное поставление Ионы в митрополиты, то предварительно снесся с королем и великим князем литовским Казимиром, и не прежде, как получив от него согласие и грамоту, созвал епископов для осуществления своего намерения»²³. Совсем иная ситуация сложилась в первой четверти XV в., в первые годы правления митрополита Фотия. По смерти в 1406 г. митрополита Киприана великий князь литовский Витовт, избрав своего кандидата на митрополию и послав его к патриарху, просит: «чтобы его поставили митрополитом, чтобы седел на столе киевской митрополии по старине, строил бы церковь по-давнему, яко наш: занежь Божиим изволением, мы место то обладаем, Киевом»²⁴. Как видим, в планы Ви-

товта входило изменение места пребывания митрополитов всея Руси, и аргументом к этому была древность, «давность», киевской кафедры. После назначения в 1408 г. митрополита Фотия, избравшим местом своего пребывания московскую часть митрополии, Витовт на некоторое время оставляет свои намерения. Но уже с 1414 г. в западных русских областях появляется свой митрополит — Григорий Цамблак²⁵. Раздел митрополии продолжается недолго. В 1420 г. Фотий примиряется с Витовтом, и киевская часть митрополии вновь соединяется с московской. Таким образом, особенно остро, по крайней мере для первой половины XV в., проблема соотношения владимирской и киевской кафедр встала в промежуток между 1414 и 1420 гг. Не в этот ли период и появилось летописное известие, существенно меняющее статус владимирской кафедры? «Полихрон Фотия», общерусский митрополичий свод первой половины XV в., А. А. Шахматов считал одним из источников свода-протографа С1-НIV летописей. Его составление он относил к 1423 г.²⁶ М. Д. Приселков предложил иную датировку — 1418 г.²⁷. Именно в этом памятнике могло появиться интересующее нас известие об основании г. Владимира. Таким образом, были созданы «исторические основания» для «уравнения... Владимира с «матерью градов русских» Киевом», но не в рамках борьбы Андрея Боголюбского за владимирскую автокефальную епископию, как считал Н. Н. Воронин²⁸, а в ходе развернувшейся в первой половине XV в. борьбы между киевской и московской частями митрополии за место пребывания митрополита «всея Руси».

Итак, в своде 30—40-х гг. XV в. к известию о крещении Киева были присоединены два известия, существенно расширяющие географию повествования о крещении Русской земли. Одно из них восходит к новгородскому летописанию и в том виде, в котором оно дошло, возводит существование новгородской архиепископской кафедры к первым годам христианства на Руси. Второе существенно повышает статус г. Владимира — официальной резиденции русских митрополитов. Его происхождение можно связать с митрополичьим летописанием первой половины XV в. По происхождению эту версию крещения Русской земли можно назвать новгородско-владимирской, или точнее, новгородско-митрополичьей. Появление этой версии объясняется общим компромиссным характером свода-протографа С1-НIV летописей.

Думается, что в связи с этой версией крещения Русской земли приобретают особый смысл некоторые другие тексты,

время происхождения которых — первая половина XV в. Отметим, прежде всего, известие о построении града Владимира «в Суздальской земле», имеющееся в дополнительных статьях НЛ мл. изв. Свод 30—40-х гг. XV в. был известен составителям НЛ мл. изв.²⁹, однако, в упомянутом известии основание г. Владимира связывается с деятельностью Владимира Мономаха: «Сын Володимеров (так! — С. С.) Мономах, правнук великого князя Владимира. Сий поставил град Владимирь Залешский в Суждальской земле, и осыпа его спом, и созда первую церковь святаго Спаса за 50 лет до Богородична становления»³⁰. В этом известии усматривается прямая полемика с соответствующей статьей свода 30—40-х гг. XV в. Летописец имеет ввиду не строительство крепости³¹, а основание города. В этом убеждает упоминание ц. Спаса, как первой церкви, построенной во Владимире. Таким образом, версия крещения Русской земли, появившаяся в своде 30—40-х гг. XV в., в новгородском летописании принята не была.

О том, что прямая полемичность статьи НЛ осознавалась современниками, свидетельствует статья 1108 г. Львовской летописи: «Того же лета свершен бысть град Владимир Залешский Володимером Мономахом, и созда в нем церковь камену святаго Спаса, а заложил его бе прежде Владимир Киевский»³². Здесь видна попытка примирить известия об основании г. Владимира свода 30—40-х гг. XV в. и НЛ. Дата 1108 г., введенная составителем известия Льв. летописи, восходит к расчету лет в статье НЛ («...за 50 лет до Богородична становления») ³³. В основе Льв. лежит свод 1518 г., связанный с митрополичьим летописанием³⁴. Этот свод, в свою очередь, основывался на более раннем своде, составленном около 1489 г. и связанном, как предполагают Б. М. Клосс и В. Д. Назаров, с клиром московского Успенского собора³⁵. Вероятно, на одном из этих этапов истории Льв. и были объединены противоречащие друг другу известия об основании г. Владимира.

Другим текстом, противостоящим версии свода 30—40-х гг. XV в., является статья о крещении Руси и учреждении епископских кафедр, уделяющая особое внимание Ростову. Она дошла в нескольких списках, каждый из которых имеет свои особенности. Древнейший список статьи дошел в виде приписки к краткому летописчику, находившемуся первоначально в одном из сборников известного книгописца Ки-

рилло-Белозерского монастыря Ефросина («летописчик Ефросина») ³⁶. Время составления летописчика — 50-е гг. XV в. ³⁷.

Подробное известие имеется и в другом сборнике Ефросина (ГПБ, Кир. Бел. собр., № 6 (1083. Л. 300—303). Сборник в целом датируется 80-ми гг. XV в. ³⁸. Статья о крещении Русской земли имеется здесь в составе произведения, написанного на л. 300—308 об. Это произведение имеет заглавие «Се поминание святыя Богородици епископъ и въсея Ростовская земли за цари, за князи, за митрополиты и за епископы, за архимандриты и за игумены, о нереском чину и о мнишьском, и о всех правоверных христианех» ³⁹ и является предисловием к Синодику ростовского Успенского собора XV в. ⁴⁰. Аналогичное предисловие сохранилось в позднейших ростовских Синодиках — Синодике Богоявленского монастыря (втор. пол. XVII в.) ⁴¹, Синодике ростовского Успенского собора (середина XVII в., без первой статьи) ⁴². Текст о крещении Руси и основании епископских кафедр составляет первую статью предисловия.

И, наконец, сходный текст сохранился в сборнике служб и житий ростовских святых из собр. А. А. Титова (ГПБ, собр. Титова, № 2059). Сборник датируется рубежом XV—XVI вв. ⁴³. Произведения, вошедшие в него, несомненно подбирались в соответствии с единой темой, что позволило А. А. Титову назвать этот сборник «Ростовским патериком». Интересующий нас текст открывал сборник, однако, первые его листы оказались утраченными. Текст сохранился только на л. 3 и не имеет ни начала, ни окончания ⁴⁴.

Сравнение всех трех текстов показывает, что они имеют общую основу, соответствующую, в целом, известию летописчика Ефросина. Приводим это известие по публикации А. А. Зимина: «В лето 6496 во царство Василья и Коньстантина от патриарха Фотей крестися Владимир в Корсуни и приведе с собою из Грек перваго митрополита Леона и с нимъ 4 епископы и крести всю землю Руськую. И се бысть 1 митрополит Леон и нарече Владимир митрополию в Киеве. А тех 4-х епископов посади по градом: Бельград нарече архиепископью, посади в нем 1-го епископа; другаго Ростову, Феодора именем, посла его с мучеником Борисом, тѣи бысть 1 епископ в Ростове, крести всю землю Ростовскую и Суздальскую; 3-го в Чернигов; 4-го в Волыньскую землю. Там же си 4 епископы первонастолици, нарицаются яко ж и апостолская проповедь: от кого прежде была, еуангелие божественая проповеди и от кого крещение приали, суть первонастолици. Яко же и от

сих нача множитися православная вера хрестьяньская; и оттоле начаша ставити по иным градом епископы в Новгѣград, в Полтеск, в Волыньскую землю. Ярослав сын Владимирь постави 1-го епископа в Новѣград Иакима Волошанина. Тогда же и сына своего старейшего Владимира в Новеграде посади»⁴⁵.

Статья Ростовского Синодика распространена в начальной части известиями о взятии Корсуня и женитьбе князя Владимира, однако, окончание ее почти полностью соответствует известию летописчика Ефросина⁴⁶. Статья в сборнике из собр. А. А. Титова не дошла полностью, однако текст, читающийся в начале сохранившегося отрывка («...своему по нем княжение држащим в Руси, и клятвами страшными утвердив, и по нем правовернии велиции то же прияли готово и к тому много приложили, создавши церкви божиа...»)⁴⁷, отсутствует в известии летописчика Ефросина и в статье синодического предисловия. После этого текста в сборнике собр. А. А. Титова следует общее для всех трех статей: «А тех 4 епископов Владимир посади по градом...»⁴⁸. Таким образом, имея общую основу, соответствующую известию летописчика Ефросина, статьи синодического предисловия и «Ростовского патерика» имели разное начало и могут быть определены как вторичные по отношению к этой основе. В то же время мы не можем быть уверены, что статья летописчика Ефросина достаточно полно эту основу отражает. Вторичность текста синодического предисловия видна и из следующего обстоятельства. После слов «...тем си 4 епископи первоначолнии нарицаются», здесь идет текст «и нача множитися правоверная вера... и в Велыньскую землю»⁴⁹. Последний попал явно не на место. Это видно и из сравнения с известием летописчика Ефросина, где он читается ниже, и из того, что этот текст разрывает связную по смыслу фразу (за ним читаем: «яко же и апостолская проповедь от кого прежде была, евангелие божественна проповеди, крещение от кого прияли — то суть первоначолници»). Очевидно, перед нами ошибка переписчика. Но это не ошибка писца сборника Ефросина. Та же ошибка имеется в соответствующем тексте Синодика ростовского Богоявленского монастыря (вторая пол. XVII в.). Отсюда делаем вывод, что этот дефект имелся уже в тексте Синодика ростовского Успенского собора XV в. Попробуем уточнить время происхождения протографа рассмотренных выше статей. Думается, что датирующим признаком могут служить имена патриарха Фотия и митрополита Леона. Впервые в летописании они появляются в протогра-

фе С1-НIV летописей. Если предположить, что именно этот памятник (или восходящие к нему летописи) послужили, в данном случае, источником для интересующих нас статей (а не наоборот, что представляется менее вероятным), то нижней границей их появления следует считать время появления этого памятника (30—40-е годы XV в.), или его общерусского источника (1418?). На верхнюю границу указывает датировка летописчика Ефросина — 50-е гг. XV в.⁵⁰, а также датировка Синодика ростовского Успенского собора — до 1448 г.⁵¹.

Обратимся к тексту статьи о крещении Руси и появлении епископских кафедр (по летописчику Ефросина). Сравнение с рассмотренными выше статьями С1-НIV летописей показывает, что версия ростовского памятника коренным образом от них отличается. В ростовском тексте находим два перечня епархий — созданные при Владимире и созданные при Ярославе (Волынская упоминается в обоих перечнях). Из четырех епархий первого перечня три находились в пределах южной Руси. Из северных русских епархий названа только ростовская. Названо и имя первого ростовского епископа — Феодор. Это имя появилось еще в ранних редакциях жития Леонтия Ростовского, созданных в конце XII — начале XIII вв.⁵² Н. Н. Воронин объясняет появление имени первого ростовского епископа стремлением автора жития подчеркнуть «древность крещения Ростовской земли и древность ее епископии»⁵³. Вероятно, именно ранними редакциями жития Леонтия и воспользовались ростовские книжники первой половины XV в. Имя епископа Феодора было привлечено с теми же целями, но в новой исторической обстановке. Ниже в статье летописчика Ефросина отмечается, что Феодор крестил не только Ростовскую, но и Суздальскую землю. При этом ничего не говорится об основании г. Владимира. Возникновение Новгородской епархии отнесено здесь ко времени Ярослава Владимировича (любопытно, что в статье Синодика он назван «Правосуд»). Это очевидное отличие от новгородско-митрополичьей версии объясняем стремлением обосновать древность Ростовской кафедры и, соответственно, умалить древность кафедры Новгородской. Имя первого новгородского епископа в ростовской статье отличается от имени в своде протографе С1-НIV летописей и в НЛ. В ростовской статье он назван не Иоакимом Корсунянином, а Иоакимом Волошанином. Думается, что этот факт также объясняется стремлением умалить древность Новгородской кафедры.

Ведь «Корсунянин» должен быть непосредственно связан с Корсунем, а значит и со временем Владимира Святого.

Появление подобной версии крещения Русской земли можно связать непосредственно с Ростовской кафедрой. В пользу этого свидетельствует появление этой статьи в Синодике кафедрального собора Ростовской епархии. Такой шаг, несомненно, имел программный характер. Середина XV в.— время изменения статуса Ростовской владычной кафедры. В декабре 1448 г. ростовский епископ Ефрем принимает участие в поставлении на митрополию рязанского епископа Ионы. Здесь же Иона возвел его в сан архиепископа⁵⁴. Изменение статуса ростовского владыки в это время вряд ли является случайным. Оно было подготовлено внутривластической обстановкой того времени. Те немногие сведения о роли ростовского епископа Ефрема в феодальной войне второй четверти XV в., которые дошли в летописях, позволяют сделать вывод, что он являлся активным сторонником Василия Темного. Так, например, весной того же 1448 г., после перемирия с Дмитрием Шемякой под Костромой Василий Темный отправляется к ростовскому владыке: «...А Велик день взят в Ростове, а на завтрее празднова Благовещение в Ростове же и пирова у владыки Ефрема»⁵⁵. Думается, что причиной пиров у ростовского владыки явились не только религиозные праздники, но и крупный политический успех в борьбе с Шемякой. Некоторые выводы о статусе ростовского владыки можно сделать из перечисления в летописях русских епископов. Ефрем значится первым и на соборе, обсуждавшем «латинскую ересь» митрополита Исидора в 1438 г.⁵⁶, и на соборе, на котором был впервые избран «своими епископами» митрополит всея Руси⁵⁷. В известии о нахождении на Москву царевича Мазовши в 1451 г. подчеркивается, что в осажденной Москве были оставлены «прежде всех» митрополит Иона и архиепископ ростовский Ефрем⁵⁸. Существенно, что все эти известия восходят к официальному великокняжескому летописанию, а это значит, что перед нами свидетельства именно официального статуса ростовского владыки. В своей борьбе с Дмитрием Шемякой великий князь, несомненно, нуждался в поддержке церкви, которая нередко выступала третьей стороной в междукняжеских отношениях⁵⁹. Виднейшими представителями церкви были митрополит и новгородский архиепископ. В 1448 г. русским митрополитом стал лояльный по отношению к Василию Темному Иона. Что же касается новгородского владыки, то его роль в конфликте была про-

тиворечивой. Он не возражал против избрания Ионы, но на соборе епископов не был, ограничившись вместе с тверским епископом присылкой грамот. В 1450 г. именно в Новгороде укрылся Дмитрий Шемяка после поражения под Галичем⁶⁰ и в 1452 г. после похода на Устюг⁶¹. Эти обстоятельства, а также общие антимосковские тенденции в политике Новгорода могли вызвать попытку если не умалить его церковное значение, то противопоставить ему другой центр, не менее древний. С этой точки зрения закономерным выглядит обречение ростовскими владыками почетного архиепископского титула. Возможно, в процессе подготовки этого акта и потребовались аргументы в пользу древнейшего происхождения ростовской епископии. Таким образом, появление проростовской версии крещения Русской земли могло объясняться стремлением великокняжеской власти, да и самих ростовских владык, утвердив древность и приоритет Ростовской кафедры, противопоставить ее Новгородской. Такая попытка хорошо объясняется и обстановкой феодальной войны, и последующими сложными отношениями с Новгородом. Своим разрешением московско-новгородский конфликт получил в 1478 г., когда в результате похода на Новгород Иван III «...отчину свою Великий Новгород привел в всю свою волю и учинился на нем государем, как и на Москве»⁶². Вероятно, в результате этого похода отпала и необходимость в противопоставлении Ростовской епископской кафедры Новгородской.

Об этом свидетельствует переработка рассмотренной выше ростовской версии крещения Русской земли в одной из редакций жития Леонтия Ростовского (четвертой по В. О. Ключевскому, десятой по Г. Ю. Филипповскому)⁶³. Время составления этой редакции жития — последняя четверть XV века⁶⁴. Начальная часть жития распространена текстом, несомненно основанном на рассмотренных выше ростовских статьях. Это следует и из общей структуры (приводятся имена патриарха Фотия и митрополита Леона; рассказывается о женитьбе кн. Владимира; рассказывается о 4 первых епископах), и из дословных совпадений. Однако, рассказ о первых русских епархиях здесь существенно изменен. В рассмотренных выше ростовских статьях образование первых епархий проходило в два этапа — во времена кн. Владимира и во времена кн. Ярослава. В тексте жития говорится только о времени кн. Владимира, однако, первый перечень епархий оказался опущен. В результате ростовская епархия оказалась в одном ряду с новгородской⁶⁵. Это свидетельствует о попыт-

ке примирить ростовскую и новгородскую версии крещения Русской земли. Новым элементом, по сравнению с упомянутыми выше ростовскими статьями, являются здесь также сведения о строительстве епископом Феодором церкви Богородицы в Ростове⁶⁶. Это известие восходит к ранним редакциям жития Леонтия, где говорится, что церковь построил «прежде бывший ... епископ»⁶⁷.

Следующим этапом эволюции рассмотренных выше версий крещения Русской земли являются летописные своды XVI в. В основе изложения событий крещения Руси в летописях XV века лежит новгородско-митрополичья версия СЛ. Однако, в летописях Тверской, Воскресенской, Никоновской, Владимирском летописце наряду с известиями, восходящими к СЛ появляются уже знакомые нам известия о крещении Ростова епископом Феодором и строительстве здесь церкви Богородицы⁶⁸. Таким образом, в этих памятниках все версии событий конца X в. оказались объединены, а противоречия между ними — сглажены. К какому же источнику могли восходить ростовские известия этих летописей? А. А. Шахматов считал, что этим источником был «Ростовский свод 1419 г. с продолжениями»⁶⁹. Основанием этому служили некоторые общие чтения Тверской и Воскресенской летописей⁷⁰. Однако, эти общие чтения встречаются только в повествовании 1015 г. и не имеют специфически ростовских черт. Нет между ними и полного совпадения. В то же время во Владимирском летописце, где также имеются известия о ростовском епископе, указанные Шахматовым черты сходства Воскресенской и Тверской летописей отсутствуют. Это позволяет предположить, что источником известий летописей XVI в. о деятельности ростовского епископа Феодора могло быть внелетописное произведение — житие Леонтия Ростовского в редакции последней четверти XV в.⁷¹ Именно в этом памятнике, как и в названных выше летописях, основание Ростовской и Новгородской епархий отнесено ко времени кн. Владимира. Наконец, в житии Леонтия, как и в летописях, упоминается о строительстве в Ростове в конце X в. церкви Богородицы.

Подведем итоги. Сведения о крещении Русской земли и появлении первых епархий, получившие широкое распространение в письменности XV—XVI вв. восходят, в своей основе, к ростовским и новгородским источникам домонгольского происхождения. Эти сведения были привлечены и заново осмыслены и переработаны в историографии XV века. На их

основе в первой половине XV в. были созданы взаимоисключающие версии крещения Русской земли и образования первых епархий, отразившихся в Новгородской I летописи, протографе С1-НIV летописей, кратких ростовских статьях. Появление этих взаимоисключающих версий событий крещения Руси и образования первых русских епархий можно связать с соперничеством крупнейших владычных кафедр XV века — Ростовской и Новгородской. В это же время появляются летописные известия, возводящие основание г. Владимира к деятельности Владимира Святого. Эти известия должны были укрепить позиции московских митрополитов в их борьбе с конкурентами из западной части митрополии. Во второй половине XV — начале XVI вв. появляется тенденция к примирению различных версий событий конца X века и объединению их в рамках единого повествования. Эта тенденция может быть связана с протекающими в это время объединительными процессами, когда на смену узкоместной трактовке этих событий приходит общерусская.

¹ Памятники литературы Древней Руси XI — начало XII вв. М., 1978. С. 130—136.

² Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1863. Т. 15. Стб. 113—115; Там же. СПб., 1856. Т. 7. С. 313; Там же. СПб., 1862. Т. 9. С. 64—65.

³ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 90—91; Там же. Л., 1926. Т. 5. Вып. 1. С. 72—73.

⁴ Шахматов А. А. Летописи (статья из Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, т. XXV). // Шахматов А. А. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 366.

⁵ См., напр.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 67—121.

⁶ Лурье Я. С. Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Л., 1985. Т. XXXIX. С. 304.

⁷ Там же. В дальнейшем изложении называем протограф С1-НIV летописей «сводом 30—40-х гг. XV в.».

⁸ Шахматов А. А. Летописи. С. 365; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 142—147; Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 71.

⁹ Шахматов А. А. Обзорные... С. 155.

¹⁰ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 194.

¹¹ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888. С. 65, 69, 90, 117, 119, 120 (под 989, 1050, 1077, 1108, 1110 гг.).

¹² Там же. С. 117, 119, 120 (под 1077, 1108, 1110 гг.).

¹³ Шахматов А. А. Разыскания... С. 214; См., также с. 203.

- ¹⁴ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. С. 65.
- ^{14a} См. прим. 3.
- ¹⁵ Шахматов А. А. Разыскания... С. 213—214.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 72.
- ¹⁷ Подробный обзор мнений о времени основания г. Владимира см.: Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII вв. Принятие христианства. М., 1988. С. 293—302.
- ¹⁸ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. II. С. 381.
- ¹⁹ Воронин Н. Н. «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в. // Византийский временник. 1963. Т. 23. С. 33—34. См. также с. 45.
- ²⁰ См. прим. 6.
- ²¹ Макарий. История русской церкви. СПб., 1866. Т. 4. С. 40—42.
- ²² Там же.
- ²³ Макарий. История русской церкви. СПб., 1870. Т. 6. С. 23—24.
- ²⁴ Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. Т. 1. С. 36.
- ²⁵ Русское православие. Вехи истории. М., 1989. С. 80.
- ²⁶ Шахматов А. А. Летописи. С. 365.
- ²⁷ Приселков М. Д. История русского летописания. Л., 1940. С. 142—147.
- ²⁸ Ср.: Воронин Н. Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 45.
- ²⁹ Шахматов А. А. Обзорение... С. 163—164.
- ³⁰ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. С. 434—435.
- ³¹ Ср.: Рапов О. М. Русская церковь... С. 300.
- ³² ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 103.
- ³³ Ср.: Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М., 1961. Т. 1. С. 42.
- ³⁴ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обзорение летописных сводов Руси северо-восточной». // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. С. 144—145; Он же. Летописи. С. 370.
- ³⁵ Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества. // Известия АН СССР. VII серия. М., 1930. № 9. С. 714—721; Лурье Я. С. Общерусские летописи. С. 235—239; Клосс Б. М., Назаров В. Д. Летописные источники XV в. о строительстве московского Успенского собора // История и реставрация памятников Московского Кремля. М., 1989. С. 30—38.
- ³⁶ Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. // Исторический архив. М.; Л., 1961. Т. V. С. 22—27. Текст летописца опубликован по рукописи ГПБ, Погодинское собр. № 1554. Как установила Р. П. Дмитриева он представляет собой отрывок, вырванный из сборника Ефросина — ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1093. См.: Дмитриева Р. П. Взаимоотношения списков «Задонщины» и текста «Слово о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 251. Прим. 78; Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. кириллописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 11—12.
- ³⁷ Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. С. 6—7.
- ³⁸ Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание... С. 144—145. (Сборник описан Н. В. Поньрко).
- ³⁹ Там же. С. 167.
- ⁴⁰ См. нашу статью в настоящем издании.

⁴¹ РЯ АХМЗ, Р—222.

⁴² РЯ АХМЗ, Р—226.

⁴³ Титов А. А. Описание славяно-русских рукописей, находящихся в собрании члена-корреспондента Общества любителей древней письменности А. А. Титова. СПб., 1893. Т. 1. Ч. 2. № 552 (2059).

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. С. 26—27.

⁴⁶ См. приложение к нашей статье в настоящем сборнике.

⁴⁷ ГПБ. Собр. А. А. Титова. № 2059. Л. 3.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ См. приложение к нашей статье в настоящем сборнике.

⁵⁰ Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. С. 6—7.

⁵¹ См. нашу статью в настоящем сборнике.

⁵² Семенченко Г. В. Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского. // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 250, 251.

⁵³ Воронин Н. Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 29.

⁵⁴ ПСРЛ. М.; Л., 1949. С. 270.

⁵⁵ Там же. С. 269.

⁵⁶ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 161, 166.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 270.

⁵⁸ Там же. С. 271.

⁵⁹ Подобная роль церкви отразилась, к примеру, в тексте «проклятых грамот», данных Шемякой в 1449 г.: «А преступлю сию свою грамоту... не буди на мне благословенна всех епископов земли Русския, иже суть ныне по своим епископам, и иже всех под ними священническаго чина». (ПСРЛ. Т. 25. С. 269).

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 271.

⁶¹ Там же. С. 272.

⁶² Там же. С. 322.

⁶³ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 5; Филипповский Г. Ю. Житие Леонтия Ростовского. // Словарь книжников и книжности Древней Руси XI — первой половины XIV вв. Л., 1987. С. 160.

⁶⁴ Эта редакция имеет существенные отличия от более ранних редакций жития Леонтия. В начальную часть жития введено повествование о крещении Руси и образовании первых епархий; после текста об обретении мощей св. Леонтия вводятся летописные известия, оканчивающиеся 1190 г. и имеющие черты, характерные для текста Лаврентьевской летописи, отразившей в этой части свод Всеволода Юрьевича конца XII в. (в отличие от летописей группы Радзивиловской, отразивших летописание нач. XIII в.; особенно это касается известия жития об убийстве Андрея Боголюбского). Затем следуют отдельные заметки о чудесах от гроба св. Леонтия, начинающиеся с конца XIV в. и заканчивающиеся известиями второй половины XV в. В последних известиях о чудесах упоминается архиепископ Трифон «тогда бывший». Трифон был ростовским владыкой до 1467 г. Очевидно, эта редакция жития составлена при его преемниках. Наиболее ранние списки этой редакции относятся к рубежу XV—XVI вв. В. О. Ключевский считал, что основа этой редакции жития составлена гораздо раньше — на рубеже XII—XIII вв. (Ключевский В. О. Древнерусские жития святых... С. 8—12). На это время, по его мнению, указывает окончание летописных известий 1190 г. и отсутствие известий об обновлении ростовской церкви в первой трети XIII в. К мнению Ключевского присоединился и Н. Н. Воронин, относивший к XII в. и появление текста жития о крещении Руси и образовании епархий (Воронин

Н. Н. «Житие Леонтия Ростовского». С. 42—43). Однако обрыв летописных известий жития концом XII в. можно объяснить и тем, что в последней четверти XV в. в Ростове просто не было списка летописи, освещающей события первой трети XIII в. В качестве примера укажем на Московско-Академическую летопись конца XV в. ростовского происхождения. Для освещения событий первой трети XIII в. составитель этого памятника был вынужден привлечь XI летопись. Таким образом, аргументов для датировки этой редакции жития Леонтия временем ранее последней четверти XV в. у нас нет. Отметим, также, что к 70-м гг. XV в. относят время составления этой редакции жития Леонтия Г. В. Семенченко в своей неопубликованной статье (за сообщение об этой статье Г. В. Семенченко благодарю В. Д. Назарова).

⁶⁵ Житие святого Леонтия, епископа Ростовского. С предисловием действительного члена А. А. Титова. М., 1893. С. 2.

⁶⁶ Там же. С. 2—3.

⁶⁷ Семенченко Г. В. Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского. С. 250, 252.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 113—115; Там же. Т. 7. С. 313; Там же. Т. 9. 64—65; Там же. Т. 30. С.

⁶⁹ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова... С. 205.

⁷⁰ Там же. С. 204, прим. 1.

⁷¹ О житии Леонтия Ростовского в качестве источника Никоновской летописи писал Б. М. Клосс. См.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 181. Ниже (с. 182). Б. М. Клосс возводит к ростовскому источнику известия Никоновской летописи о четырех епископах, посланных на Русь патриархом Фотием и поставлении Ростову первого епископа Феодора, отмечая их наличие в сборнике Ефросина № 6/1083 и Тверской летописи.